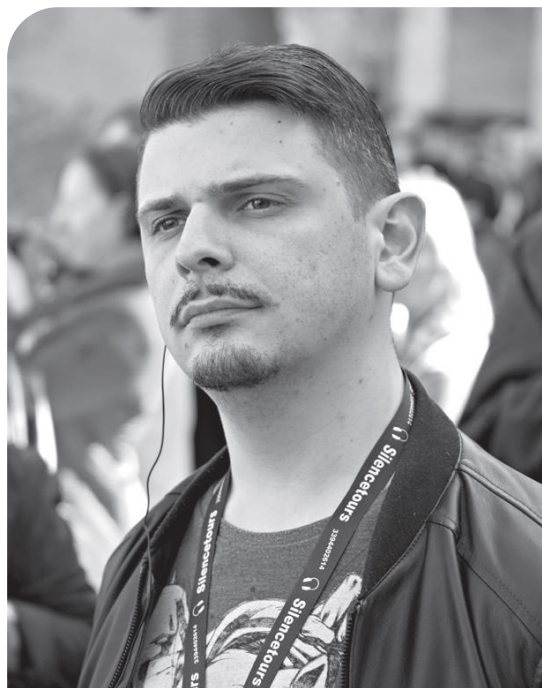

Е. В. Сартаков

Трактат Данте
«Монархия» и теория
государственности
в публицистике Гоголя

*В*сё усиливающиеся симпатии Гоголя в 1840-е годы к консервативной идеологии стали очевидны уже современникам писателя. Правда, этот «поворот» они оценили по-разному: от полного неприятия (западники и их идеолог В. Г. Белинский), частичного его отрицания (некоторые славянофилы, например С. Т. Аксаков), сомнения в искренности Гоголя и упрёков его в лицемерии (К. С. Аксаков или Ф. В. Булгарин) до такого же полного восхищения и утверждения, что именно «Выбранные места из переписки с друзьями» – начало «собственно русской литературы»¹ (П. А. Плетнёв).

На сегодняшний день близость позиции Гоголя и идеологов консервативной мысли не нуждается в дополнительной аргументации. Тем не менее, по точному замечанию Е. И. Анненковой, необходимо уяснение **места** Гоголя в истории мирового консерватизма и «выявление специфики функционирования его собственной мысли» [Анненкова, 2012: 214] в концепции, выстраиваемой на протяжении длительного времени идеологами традиционализма.

Объективное прочтение публицистики Гоголя надо начать с выявления источников, которыми питалась его мысль, установления генетических и типологических связей, параллелей социально-философского и иного характера, благодаря которым гоголевское творчество входит в определённую традицию [Жаравина, 1999: 165].

И хотя исследователи констатируют объективную сложность определения этих источников, «ввиду всеядности, размытости гоголевского

¹ Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 271.

социокультурного консерватизма» [Вайскопф, 2002: 652], многое в изучении русских источников, питавших мысль Гоголя, уже сделано [Анненкова, 2012: 213–225; Виноградов, 2000; Воропаев, 2008; Сартаков, 2014]. Значительно хуже обстоит дело с зарубежными источниками. Если увлечение Гоголя Платоном уже было в фокусе внимания гоголеведов (хотя в основном в контексте сочинений Платона рассматривалась природа гоголевского эстетизма) [Вайскопф, 2002: 29; Бочаров, 1998: 20], то связи многочисленных сочинений других социальных утопистов (например, Томаса Мора) или антиутопистов (Макиавелли) с публицистикой Гоголя пока лишь намечены [Schreier, 1977: 71–86; Sobel, 1981; Zeldin, 1978: 143–144, 168–178; Егоров, 2007: см. указ.; Анненкова, 2012: 225–237].

Особенно примечательно, что нам не встретилось ни одной работы, в которой консервативный миф, созданный Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», рассматривался бы в контексте трактата Данте Алигьери «Монархия» (1312–1313). Примечательно потому, что в целом о влиянии Данте на Гоголя как автора «Мёртвых душ» писали и пишут чрезвычайно много (подчас даже вульгаризируя эту действительно сложную проблему). Показательно, что в установочной статье А. Х. Гольденберга «"Гоголь и Данте" как современная научная проблема», в которой глубоко и верно намечены основные вопросы по этой теме, необходимость решения которых назрела в гоголеведении, задача анализа текстов Гоголя в их сопоставлении с «Монархией» даже не поставлена [Гольденберг, 2007].

Отчасти это можно объяснить тем, что с большой долей вероятности Гоголь трактата Данте не читал, хотя 1820–1830-е годы отмечены в России началом популярности к произведениям гениального флорентийца¹. Многие знакомые Гоголя, и прежде всего один из первых русских дантологов С. П. Шевырев (защитивший в Московском университете в начале 1830-х годов диссертацию «Дант и его век»), способствовали усилению внимания Гоголя к итальянскому поэту. Переписка писателя прямо свидетельствует об этом². Однако, конечно, Данте воспринимался как автор одной великой книги – «Божественной комедии».

Трактат «Монархия», написанный Данте уже после «Божественной комедии» в 1312–1313 годах по-латыни, в 1329 году был осуждён католической церковью, а в 1554 году внесён в индекс запрещённых книг, где он и находился вплоть до конца XIX века («реабилитировали» текст Данте только в 1896 году). Его первый перевод на русский язык был предпринят И. В. Гревсом и его студентами – участниками дантовского семинара филологического факультета Ленинградского университета (1924 год), однако он не был опубликован. Первый печатный перевод был сделан В. П. Зубовым в издании Данте «Малые произведения», подготовленном И. Н. Голенищевым-Кутузовым в 1968 году в серии «Литературные памятники».

Тем не менее в данном случае речь, конечно, должна идти не о генетическом сходстве двух произведений (которого, по-видимому,

¹ Подробнее об истории восприятия Данте в России см.: [Голенищев-Кутузов, 1971: 460–470].

² См., напр., письмо Гоголя Н. Я. Прокоповичу от 3 июня 1837 года [XI: 99–102].

и не было), а, скорее, типологическом. Сходство это настолько очевидно, что ещё в 1901 году известный дореволюционный монархист Н. И. Черняев указал на связь между «Монархией» Данте и «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя¹. К сожалению, этим указанием дело и ограничилось².

Вообще у разбираемых книг весьма похожая судьба. Обе были написаны уже известными авторами, обе не были приняты современниками – настолько, что у критиков возникла идея раздвоения авторов, Данте и Гоголя, на «поэта» и «фанатика» и «писателя» и «морализатора». В России у истоков концепции «двух Гоголей» стоит авторитетная фигура Белинского. В Италии даже в XX веке появляются исследования, «раздваивающие» Данте. Например, в 1921 году знаменитый философ-идеалист Бенедетто Кроче вообще предложил отказаться от анализа идеологии Данте. В книге «Поэзия Данте» он утверждал, что Данте прежде всего поэт, а его политические идеи давно мертвы, поэтому не стоит вообще к ним возвращаться [Croce, 1958: 13]³.

Но не только «внешняя» судьба их творений сближает Гоголя и Данте. Исходной точкой размышлений обоих мыслителей становится мысль об апокалиптическом характере современности. В статье «Страхи и ужасы России», в которой Гоголь во многом предсказал грядущие европейские революции 1848–1849 годов, автор буквально выносит приговор Европе:

В Европе поднимутся теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются [VIII: 343–344].

При этом тяжёлые времена должны наступить не только для Запада, но и для России (в этом смысле симптоматично название статьи). «Разболевшееся человечество» [VIII: 256] – вот формула из статьи «О лиризме наших поэтов», которая прекрасно отражает взгляд Гоголя на современную ему действительность.

Мысль о неизбежности социальной катастрофы лежала в основе всей философии Данте: «Над землёю власть упразднена, / И род людской идёт стезёй опасной» (Рай, XVII, 140–141; здесь и далее «Божественную комедию» цитируем в переводе М. М. Лозинского). «Мир, сбившийся с пути» – стержневая метафора уже в «Божественной комедии». Описав беды современной ему Италии, дальше Данте пришёл к неутешительному выводу о том, что страдает всё христианское человечество, вся земля, вся вселенная, чтобы в Раю воскликнуть: «Безмерно горький мир!» (Рай, XVII, 112).

---

¹ Черняев Н. И. О развитии монархических начал в русской литературе // Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Этюды, статьи и заметки. Харьков, 1901. С. 316. Современное издание: Черняев Н. И. Русское самодержавие. М., 2011. С. 780.

² Справедливости ради отметим, что в недавней монографии Е. И. Анненковой также есть небольшой пассаж, в котором на одном примере показана связь публицистики Гоголя и трактата Данте [Анненкова, 2012: 228–229].

³ Об этом же см.: [Davidsohn, 1927: 205–206; Cappa-Legora, 1906: 9–11; 46–48].

Причём как примета наступающего Апокалипсиса у Гоголя и у Данте выступает всеобщая стихия алчности, которая захватила людей разных словий. Пагубность культа вещей обозначена Гоголем и в художественном творчестве. Не случайно в «Невском проспекте» автор предостерегал:

Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций [III: 46].

В «Выбранных местах...» звучит ещё более отчётливый призыв отказаться от комфорта и уюта. В статье «Нужно проездиться по России» Гоголь убеждал графа А. П. Толстого «сказать честному, но близорукому богачу, что он, убирая свой дом и заводя у себя всё на барскую ногу, вредит соблазном, поселяя в другом, менее богатом, такое же желание, который из-за того, чтобы не отстать от него, разоряет не только собственное, но и чуждое имущество, грабит и пускает по миру людей; да вслед за этим и представить ему одну из тех ужасных картин голода внутри России, от которых дыбом поднимется у него волос, и которых, может быть, не случилось бы, если бы не стал он жить на барскую ногу, да задавать тон обществу и кружить головы другим» [VIII: 306]. А в письме «Что такое губернаторша» советовал А. О. Смирновой «гнать эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» [VIII, 309–310]¹.

Алчность как примету своего времени выделял и Данте. Итальянский дантолог Ольшки в главе «Актуальность Данте» утверждает, что Данте «показывает нам, что положение вещей с тех времён и по нынешний день существенно не изменилось. Отвергнутое поэтом преобладание "экономического человека" над "духовным человеком" упрочилось, как никогда, в современных формах алчности». И далее: «Как и Данте, мы чувствуем, что это не политическая, а прежде всего моральная проблема» [Olschki, 1953: 90–91].

Спасение от надвигающейся катастрофы как Гоголь, так и Данте видят в одном и том же – монархии как форме правления и фигуре владыки (императора или царя) как силе, примиряющей человечество, раздираемое внутренними и внешними конфликтами.

Главный тезис Гоголя – традиционная для консерваторов мысль о том, что монарх стоит над всеми сословиями и поэтому не заинтересован в том, чтобы возвышать одних в ущерб другим. Именно наличие царя, по Гоголю, обеспечивает баланс сил и в конечном счёте ведёт к устойчивости в государстве. В исключённом цензурой фрагменте статьи «О лиризме наших поэтов» Гоголь называет царя «капельмейстером», который «сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас» [VIII: 253].

¹ Подробнее об этом см.: [Виноградов, 2010].

Ещё яснее эта мысль звучит в незавершённом трактате Гоголя «О словениях в государстве» (1845–1846 годы), который некоторые исследователи называют «наброском» к «Выбранным местам...» [Анненкова, 2009]. Здесь Гоголь именует царя «лицом, которое, стоя выше всех, не будучи связано личною выгодою ни с каким сословием преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждого сословия в государстве» [VIII: 490].

В трактате «Монархия» Данте также уверен, что «монарх не имеет никаких поводов к алчности, или, во всяком случае, имеет поводы минимальные по сравнению с прочими смертными, <...> чего нельзя сказать о прочих правителях, и поскольку эта алчность единственно искажает правильное суждение и оказывается помехой справедливости, постольку следует, что монарх либо вполне, либо в наилучшей степени предрасположен к управлению, ибо среди прочих он может иметь верное суждение и справедливость в наибольшей мере»¹ (с. 317).

Эта общая позиция у Данте имеет оригинальное развитие. Философ утверждает, что только подданные монарха обладают свободой, потому что «живущий под властью монарха наиболее свободен» (с. 315). Это на первый взгляд абсурдное утверждение Данте доказывает тем, что свобода – «величайший дар, заложенный Богом в человеческую природу, ибо посредством него мы здесь обретаем блаженство как люди, и посредством него же мы там обретаем блаженство как боги» (с. 315). И действительно, свобода есть существование ради себя, а подобное состояние может обеспечить только монарх, потому что он возвышается над всеми и не возвышает одних своих подданных в ущерб другим и, кроме того, не имеет других интересов, кроме выполнения долга:

Человеческий род под властью единого монарха существует ради себя, а не ради другого; ведь только тогда выправляются извращённые государственные системы, <...>, порабощающие род человеческий, <...> и только тогда занимаются должным государственным устройством короли, аристократы, именуемые оптиматами, и ревнители свободы народа (с. 315).

Важно в этом контексте и то, что Гоголь, равно как и Данте, ищет черты этого идеального монарха в конкретном правителе – и едва ли находит. В целом, по нашим наблюдениям, Гоголь чётко разделял государя идеального, нарисованного в его мечтах, и государя реального. Не случайно везде, где Гоголь пишет о призвании русского царя, о назначении монархии, он использует будущее время:

Да *образуется* (здесь и далее курсив наш. – Е. С.) в России эта власть (власть монарха. – Е. С.) в её полном и совершенном виде <...> Всё полюбивши в своём государстве, до единого человека всякого со-

---

¹ Здесь и далее трактат Данте «Монархия» цитирует с указанием в скобках после цитаты страницы по изданию: Данте Алигьери. Малые произведения. Серия «Литературные памятники» / Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. С. 305–362.

слова и званья, и обративши всё, что ни есть в нём, как бы в собственное тело своё, возболев духом о всех, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущем народе своём, государь *приобретёт* <...> всемогущий голос любви <...> Там только исцелится вполне народ, где *достигнет* монарх высшее значение своё – быть образом Того на земле, Который сам есть любовь [VIII: 257].

Причём там, где всё же использованы глаголы настоящего времени, Гоголь ограничивает власть царя, ставя ему некие условия его успешного царствования. Так, в записной книжке Гоголя 1845–1846 годов – времени интенсивной работы над «Выбранными местами...» – отмечено, что «государь у нас <1 нрзб.> стремится к свету» лишь при условии, «если только он вполне Христианин, если первый выполнит долг свой в том духе, какой повелевает ему церковь, и как строгий христиан<ин> будет взыскательнее всех к самому себе» [IX: 559–560].

Симптоматично и то, что в статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь специально подчёркивает, что будет писать не конкретно о Николае I («оставим личность императора Николая»), и предлагает анализировать, «что такое монарх вообще» [VIII: 254]. Скрытое указание на «несовершенство» правления нынешнего императора должно было, с точки зрения Гоголя, подтолкнуть Николая I к духовной работе, которая могла бы завершиться преображением России.

Попытки Данте обнаружить идеального монарха в лице Генриха VII Люксембургского также не увенчались успехом. Поэтому в трактате указано, что власть монарха должна быть ограничена определённым сводом моральных принципов, главный из которых – служить своим подданным. Данте уверен, что «не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа» (с. 316).

Определённой гарантией мудрого правления, по Данте, можно считать и то, что рядом с монархом должен стоять человек, который будет наставлять, направлять, выводить на «прямые пути». Такое место автор «Монархии» отводит в государстве философу. Верный последователь в этом вопросе Платона («Государство») и Аристотеля («Политика»), Данте ставит авторитет философии рядом с авторитетом империи. В его трактате «Пир» прямо указано, что императорская власть не может не руководствоваться философией, иначе она «опасна»; но и философия без императорской власти «как бы слаба, но не сама по себе, а вследствие склонности людей к беспорядку»¹. Только вместе император и философ приведут монархию к процветанию:

Оба они в сочетании друг с другом весьма полезны и исполнены всяческой силы. <...> Философский авторитет сочетается с императорским для доброго и совершенного правления².

Так перед читателем возникает учение об идеальном союзе философии и монархии.

¹ Данте Алигьери. Малые произведения. Серия «Литературные памятники» / Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. С. 216.

² Там же.

У Гоголя, по-видимому, сходную функцию выполняет при царе поэт – об этом автор «Выбранных мест...» пишет в уже упомянутой статье «О лиризме наших поэтов». Называя прежде всего имена Г. Р. Державина и А. С. Пушкина, Гоголь уверен, что в России «высшее значенье монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, услышали с трепетом волю Бога создать её в России в её законном виде; оттого и звуки их становятся библейскими всякой раз, как только излетает из уст их слово царь» [VIII: 256].

Чрезвычайно оригинально решён у Данте вопрос о роли дворянской аристократии в идеальном государстве. Эти взгляды претерпели у философа некоторую эволюцию, заметную при сопоставлении более раннего трактата «Пир» (1306 год) с «Монархией». В «Пире» гениальный флорентиец уверен, что благородство человека зависит не от происхождения, а лишь от индивидуальных достоинств человека. «Причиной благородства», по мысли Данте, не может «являться время», поэтому притязания дворян на то, что это единственно благородное сословие, в корне ошибочно. Данте называет «заблуждающимися» тех людей, которые «придерживаются мнения, будто человек низкого происхождения никогда не сможет называться благородным и что равным образом и сын его никогда таковым называться не сможет»¹.

Иначе оценено благородство дворянства в «Монархии». Теперь, вслед за Аристотелем, Данте уверен, что человек облагораживается добродетелью предков. Обосновывая право римского народа на всемирное главенство, Данте выводит это право принадлежностью римлян к благороднейшим народам, происходящим от Энея. Теперь историческая преемственность оказывается важной, поэтому дворянство имеет весомые преимущества в «градусе» благородства перед вилланами [Об этом см.: Баткин, 1965: 127].

Гоголь называл дворянство в статье «Занимающему важное место» «явленьем <...> необыкновенным» [VIII: 360]. Е. И. Анненкова тонко указала на разницу между характеристикой дворянства в «Выбранных местах...» и в незавершённом трактате «О сословиях в государстве» [Анненкова, 2009: 156–157]. Если в трактате сказано, что «дворянство *должно быть* сосудом и хранит<елем> высокого нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра...» [VIII: 493], то в «Выбранных местах...» происходит смена модальности: «Дворянство у нас *есть* как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство» [VIII: 361]. Можно сказать, что Гоголь видел в дворянстве в первую очередь связующее звено между царём и другими сословиями. Дворянам, с точки зрения автора «Выбранных мест...», *должно* быть «управителями» от имени государя:

Право над другими, если рассмотреть глубже, в основании, основано на разуме. Они (дворяне. – Е. С.) не что иное, как управители государя [VIII: 492].

Тем не менее при всей общности социально-философской позиции Гоголя и Данте и убеждения обоих в спасительности монархии, идея *необходимости* монархии объяснена у них по-разному. Гоголь в первую оче-

---

¹ Данте Алигьери. Малые произведения. Серия «Литературные памятники» / Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. С. 220.

редь исходил из идеи богоустановленности царя. Традиция сакрализации монархической власти, восходящая к евангельским постулатам, нашла выражение в древних русских сочинениях – «Слове о законе и благодати» Иллариона Киевского и в «Поучении чадам» Владимира Мономаха, – и была закреплена в российской политике в XVI веке, когда оформлялся менталитет русских государей¹.

С точки зрения Гоголя, монарх, подобно Моисею, ведёт своё происхождение от ветхозаветных пророков: монарх «может быть уподоблен древнему Боговидцу» [VIII: 254]. С точки зрения автора «Выбранных мест...» (статья «О лиризме наших поэтов»), «государь есть образ Божий» [VIII: 255] и его нельзя рассматривать только как «высшего чиновника в государстве, поставленного от людей» [VIII: 256]. По мысли Гоголя, Бог дал людям монархию из-за глубокого сочувствия и сострадания к своим созданиям:

<...> высшее значение той же власти, которую вымолило у небес немощное бессилие человечества, вымолило её криком не о правосудии небесном, перед которым не устоял бы ни один человек на земле, но криком о небесной любви божией, которая бы всё умела простить нам [VIII: 254–255].

Так на земле появился царь, который «один затем только собрал свою власть в себя самого и отделился бы от всех нас и стал выше всего на земле, чтобы чрез то стать ближе равно ко всем, снисходить с вышины ко всему и внимать всему, начиная от грома небес и лиры поэта до незаметных увеселений наших» [VIII: 255].

Вообще для Гоголя «правленье не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, <...> она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа» [VIII: 489]. В то же время такое отношение к царю не исключает осознание им самим ответственности за свой народ как человека, занимающего определённую нишу во всеобщей иерархии. «Всяк должен служить Богу на своём месте, а не на чужом» [VIII: 322] – излюбленная мысль Гоголя, повторяемая в «Выбранных местах...» несколько раз.

Данте объяснял необходимость монарха значительно более рационалистически – в духе схоластического учения о свободе воли [Баткин, 1965: 17]. Данте полагал, что после грехопадения Адама порочность вошла в кровь и плоть человека и во власти чувственных страстей (главная из которых, как уже указывалось, алчность) он пребывает до сих пор. Поэтому необходима такая форма правления, которая будет оберегать людей от самих же себя. Но вместе с тем люди, как существа по своей натуре общественные, стремятся к общению и совместной жизни. Поэтому образование государства – процесс естественный. Государство, таким образом, не несёт на себе печати древнего проклятия, а значит, может стать формой счастливой жизни. Но грех Адама привёл к тому, что алчность обуя-

¹ Ср. замечание Л. Н. Пушкарева: «В менталитете русских государей понятие власти основывалось на двух доминантах: на божественном происхождении её (подтверждённом авторитетом Евангелия) и на законности престолонаследия "от отцов и дедов"» [Пушкарев, 1999: 60].

ла не только людей, но и сами государства, «теряющие от этого функции справедливости и выступающие в корыстную борьбу с другими государствами и со своими гражданами» [Доброхотов, 1999: 6]. Т. е. государство стало формой насилия, а интересы отдельной личности противоположны интересам всего государства. Следовательно, нужна некая третья сила, которая сможет примирить эти две противоборствующие стороны. Такой силой и должен стать монарх:

Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд <...>. Между любыми двумя правителями, из которых один вовсе не подчинён другому, может вспыхнуть раздор, и они или их подчинённые могут быть виновными, что само собой очевидно. <...> И так как один не ведаёт другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права (с. 312).

Читая трактат Данте, нельзя не поразиться тому, что рассуждает об этих предметах не рационалист «просвещённого» XVIII века, а средневековый философ начала XIV века!¹

Большое место в трактате Данте (по сути, вся третья часть) отведена учению о Древнем Риме как *воплощённой форме* всемирной монархии:

Римская империя для своего совершенствования получала подкрепление в виде свидетельства чудес, следовательно она угодна Богу, а стало быть существовала и существует по праву (с. 326).

По справедливой мысли А. Л. Доброхотова, «античный миф о призвании Рима править миром возродился в зрелом средневековье, когда

---

¹ Оригинальную интерпретацию необходимости монархии, провозглашённую Данте, получила в трудах французского католического философа начала XX века Э. Жильсона [Gilson, 1939: 164–165]. Разбирая трактат Данте, Жильсон уверен, что взгляды Данте христианоцентричны, потому что Рождество и создание Церкви для автора «Божественной комедии» – это база, начало истории. Следовательно, главный субъект истории – Бог. Он не вмешивается в дела людей, но его влияние ощутимо, потому что между Богом и миром – океан идей. Поэтому каждый из людей «наделён своим возможным интеллектом. Каждый из них попытается приобрести определённый объём знаний, пользуясь способностями своего разума, но то, что он сумеет приобрести из интеллигибельных познаний, составляет лишь ничтожную часть всего интеллигибельного знания, доступного человечеству как виду. Ни один индивид, ни одна отдельная группа людей не может актуализировать это тотальное знание одновременно». Претендовать на это имеет право только *весь* человеческий род, если он *единое целое*, но он может рассчитывать на успех только при условии, что существует как универсальное сообщество, управляемое волей одного человека. Идеал общественного устройства – это «единство человеческого рода, в котором всё человечество в каждый момент времени достигало своей цели; а она заключается в полном обладании интеллектуальным знанием, на которое способен человек» [Жильсон, 2006: 162]. Таким образом, Жильсон согласует позицию Данте с мировоззренческими установками католицизма. Однако от взглядов Гоголя эти интенции все равно чрезвычайно далеки (как и от православия в целом). Зато явная параллель здесь напрашивается с «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева. Впрочем, эта тема выходит за рамки нашего исследования.

Рим стал религиозным центром западного христианства, и оброс мистическими толкованиями смысла римской власти» [1999: 14]. Рим, по Данте, – это соединение мирского и духовного начала, потому что Древнеримская империя простиралась во всей Европе и по закону, идущему от Рима, жила вся европейская цивилизация, а с другой стороны, Древний Рим стал родиной Христа: чудо боговоплощения произошло именно в Древнем Риме. Это объясняется тем, что Палестина тогда была составной частью империи.

Данте указал, что, когда в Древнем Риме родился Христос, в мире царили мир и всеобщее процветание. Кроме того, конечно, нужно учитывать игру слов, столь распространённую в средневековой литературе и встречающуюся, например, в «Божественной комедии». *Roma* (Рим) при обратном прочтении превращается в *amor* (любовь). А это значит, что идеальная цель государства (мир и всеобщая любовь между подданными) в Риме была достигнута. Данте видит в Риме пример государства, которое начало свой путь завоеванием, но закончить должно утверждением всемирной власти любви. Поэтому-то пришествие Христа (провозвестника любви к ближнему) и произошло именно в Древнем Риме. Получается, что «как избранничество Израиля было переосмыслено христианством как союз бога с духовным "Израилем", с верующими, так и миссию Рима Данте пытается переосмыслить как идеальную власть справедливости» [Доброхотов, 1999: 15].

А что же Гоголь? Сходным образом он оценивал место России в мире. Если Данте пишет о первом пришествии Христа в Риме, то Гоголь уверен, что Его второе пришествие произойдёт именно в России. О мессианстве русской нации, о которой в этот период много размышляли славянофилы, Гоголь писал в статье «Нужно любить Россию». В ней автор призывал своего адресата А. П. Толстого «поблагодарить Бога прежде всего за то», что он русский, ведь «нас ведёт теперь сам Бог» [VIII: 300]. Идея русского providенциализма соединилась у Гоголя в статье «Светлое Воскресенье» с эсхатологическими мотивами приближения антихриста («Дьявол выступил уже без маски в мир» [VIII: 415]). И надежды на спасение всего мира, не только Запада, связаны у Гоголя именно с Россией:

Праздник Светлого Воскресенья воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов [VIII: 417].

Таким образом, при всей схожести консервативных установок между позициями Гоголя и Данте, не менее заметна и их разница. Градус мистицизма в трактате Данте значительно ниже, чем в «Выбранных местах...» Гоголя¹. Вполне вероятно, что это можно объяснить конфессиональной разницей между авторами рассматриваемых произведений, потому что православный Гоголь в своей религии унаследовал мистические практики Византии с её представлениями об императорской власти, соединяющими эллинистические идеи автократии, традиции римского принципата и домината и кон-

¹ По замечанию Э. Жильсона, даже догмат о бессмертии души Данте объяснял вполне рационалистически [2006: 157].

цепцию богоизбранности императорской власти. Добавим к этому и давно отмеченную прот. Г. В. Флоровским связь между творчеством Гоголя и временем «александровского» мистицизма [Флоровский, 1983: 267]¹.

Вместе с тем сам жанр трактата, избранный Данте, с нашей точки зрения, глубоко чужд Гоголю. Не отстранённое слово философа, а горячая проповедь публициста; не факты и доводы, а убеждение и вера – вот главные элементы писательской стратегии Гоголя времени обращения к прямому публицистическому слову. Да и само место автора в текстах Гоголя и Данте разнится: Гоголь пишет о своём времени, о тех бедах, которые волнуют его, его окружение да и всю Россию. Отсюда столь важная для автора «Выбранных мест...» идея сопричастности и ответственности за происходящее в России (идея, которая многими, в том числе до сих пор, истолковывается как некий мессианизм или апостольство писателя). Напротив, Данте – отстранённый философ, чей идеал перенесён в будущее. Именно поэтому для него созерцание важнее деятельности (категорически с этим не согласен Гоголь). Данте в этом вопросе явно опирался на Аристотеля (в «Никомаховой этике» которого высказана подобная же мысль) и на Евангелие (Христос учит в Евангелии от Луки, что лучшую участь избрала Мария – образ жизни созерцательной, а не Марфа – образ жизни деятельной).

Гоголь же уверен, что спасти «разболевшееся человечество» надо деятельно:

Монастырь ваш – Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для неё, ступайте подвизаться в ней. Она зовёт теперь сынов своих ещё крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздаётся крик её душевной болезни [VIII: 301].

Итак, думается, высказанный по поводу «Божественной комедии» тезис Ю. В. Манна о том, что «дантовская традиция Гоголем преобразована и включена в новое целое» [1978: 339–340] может быть отнесён и к трактату «Монархия».

Литература

Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб., 2012.

Анненкова Е. И. «О сословиях в государстве»: незавершённый трактат или набросок «Выбранных мест из переписки с друзьями»? // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 148–159.

Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.

Бочаров С. Г. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. М., 1998. С. 15–35.

---

¹ Всё это позволяет поставить под сомнение тезис М. Я. Вайскопфа о том, что «христианско-моралистическая насыщенность книги [«Выбранных мест...» – Е. С.] в большей мере, чем с православием, роднит её с популярными протестантскими сочинениями» [2002: 644].

- Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 2002.
- Виноградов И. А.* Гоголь – историк и наблюдатель быта (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения. М., 2010. С. 120–127.
- Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000.
- Воропаев В. А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2008.
- Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.
- Гольденберг А. Х.* «Гоголь и Данте» как современная научная проблема // Гоголь и современная культура. Шестые Гоголевские чтения. М., 2007. С. 159–174.
- Доброхотов А. Л.* О «Монархии» Данте // Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. С. 5–18.
- Егоров Б. Ф.* Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007.
- Жаравина Л. В.* Гоголь между христианством и позитивизмом // Христианство и русская литература. Сборник третий. СПб., 1999. С. 164–212.
- Жильсон Э.* Данте и философия // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 155–169.
- Пушкарев Л. Н.* Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа Нового времени // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 59–69.
- Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1978.
- Сартаков Е. В.* Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русская журналистика 1840 годов. М., 2014.
- Флоровский Г.* Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983.
- Cappa-Legora A.* La politica di Dante e di Marsilio da Padova. Roma-Torino, 1906.
- Croce B.* La poesia di Dante. Ed. 9. Bari, 1958.
- Davidsohn R.* Geschichte von Florenz. Bd. 4. Berlin, 1927.
- Gilson É.* Dante et la Philosophie. Paris, 1939.
- Olschki L.* Dante "poeta Veltro". Firenze, 1953.
- Schreier H.* Gogol's religiöses Weltbild und sein literarisches Werk: Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz. München, 1977.
- Sobel R.* Gogol's Forgotten Book: "Selected Passages" and its Contemporary Readers. Washington, 1981.
- Zeldin J.* Nikolai Gogol's Quest for Beauty: an Exploration into His Work. Kansas, 1978.